

УДК 008

Формирование кластерной структуры текстов

Ноговицын Никита Олегович

Кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: n.nogovitsyn@spbu.ru

Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика»).

Аннотация

Изменения в схемах производства и алгоритмах коммуникации, которые чаще всего связывают с постиндустриальным обществом, затрагивают как сферы культуры в целом, так и искусство в частности. Еще в середине XX века многие аспекты культуры могли существовать и развиваться самостоятельно. В современном обществе многие тексты оказываются объединены в кластеры. Такая структура текста влияет непосредственно как на концептуально-ситуационных единения в сфере художественной культуры, так и в тех бизнес- и политических процессах, на которых они основываются. Особенностью кластерных формирований оказывается то, что их формирование по определению проходит децентрализованно, что порождает целую серию проблем в их описании и аналитике. В данной статье проводится анализ особенностей формирования кластерных структур на примере текстов современной медиакультуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Ноговицын Н.О. Формирование кластерной структуры текстов // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 157-163.

Ключевые слова

Философия языка, структурализм, культурные кластеры, медийные тексты, философия медиа.

Введение

В гуманитарной науке уже давно общепринятым фактом стала связь между формами коммуникации и социокультурными изменениями. Существует множество исследований о том, как, например, возникновение книгопечатания и интернета изменило человека и европейскую культуру в целом. Понятно, что существуют и обратные механизмы – изменение в общественных отношениях должно влиять на формы коммуникаций.

В конце XX века, под воздействием изменений в сфере коммуникации и развития технологий, в европейской культуре появился принципиально новый тип сообществ – кластерные сообщества. Данная форма организации предполагает трансформацию или модификацию в сфере методологии изучения и описания форм устройства жизни.

Само понятие кластера было введено в научный оборот английским социологом и экономистом Майклом Портером в работе «Международная конкуренция». В этом исследовании Портер описывал механизмы выделения и формирования конкурентных преимуществ на макроуровнях. Он показал, что на подобном масштабе речь идет о конкуренции не на уровне отдельного продукта, но о сложном соотношении целой суммы различных преимуществ, выстраивающейся в группе взаимосвязанных компаний и отраслей, сосредоточенных на одной территории. Механизм, благодаря которому, различные отрасли и сообщества могут объединиться в одно целое, Портер назвал «кластером». Кластер как способ выстраивания отношений дает серьезное преимущество для отрасли, так как обеспечивает *«быструю диффузию лучших практик»* [см. Porter, 1990].

С учетом постоянно растущих скоростей и объемов коммуникаций, мы можем констатировать, что кластерные сообщества – один из наиболее вероятных принципов устройства многих сообществ и культур.

Кластерные структуры разворачиваются в самых разных форматах и порядках. В данной статье мы проанализируем одну из самых низкоуровневых структур кластерного порядка, а именно – текстовые структуры. Под текстовыми структурами мы подразумеваем внутреннюю форму устройства текста как базового способа смыслопорождения.

Современная культура, важной частью которой являются разнообразные медийные структуры, переформатирует не только окружающие нас знаки, но и сам процесс смыслополагания. Медиатекст ставит своей целью создать осмысленную и завершенную форму, позволяющую выразить комплексную идею или концепт. В сфере визуальной коммуникации ключевым местом здесь, чаще всего, является композиция [см. Жижек, 2010]. Апогеем данного подхода стал авангард, с его принципиальным отказом от изобразительности и столь же декларативной работой с цветом и формой. В художественной литературе, с другой стороны, целостность произведения выражается скорее в сюжете, при посредстве которого задается персонаж и все с ним происходящее. Проблема формирования произведения в медиакulturе оказывается намного сложнее. Медиакultura совмещает в себе визуальную и текстовую составляющую. Целостность образа не может быть чисто визуальной или исключительно сюжетной.

Традиционный способ создания образа предполагает легитимацию через связь с изображаемым предметом. Смысл появляется посредством отсылки (цитирования, искажения или демонстрации) к значению. В текстах медиа вещь находится в совершенно особом положении. В обычной ситуации вещь всегда дана как нечто определенное и завершенное. В ситуации медиа смысл вещи и ее форма чаще всего размыты. Фактически, отношения

смыслополагания и денотации обосновывают друг друга, возникает децентрализованная структура, по форме схожая с кластером.

Влияние коммуникативных технологий на форму текста

Основания этой кластеризации формы текста можно найти в постоянном совершенствовании технологий коммуникации и общения. Здесь надо помнить, что современная культура отличается от всех предшествующих этапов. Это заключается, например, в том, что «... человек – в концептуальном отношении – не может быть сегодня артикулирован, и он в мыслительных спекуляциях безвозвратно потерян». [Соколов, 2017, с.228] Исследователи часто отмечают, что технологии способствуют формированию массовой культуры. Связано это с «усреднением» людей, нивелированием различий между ними. Технический прогресс приводит к увеличению роста и качества жизни, но он также способствует унификации образа жизни. Многие достижения современной культуры связаны с массовым производством и с масштабированием всех технологических процессов. Одним из следствий этого является копирование. Вариации историчны, и благодаря им ни одна «копия не является на самом деле таковой – все дело в этих маленьких отличиях», как говорил небезызвестный персонаж Квентина Тарантино» [Усманова, 1998, 56-57]. Унификация здесь – не просто упрощение, но необходимая технологическая мера, без которой подобные процессы в принципе невозможны. П.П. Вербек, переговаривая другого известного американского философа Альберта Боргмана, пишет: «Подобные технологические алгоритмы становятся возможными и действительными благодаря тому, что действительное присутствие вещей заменяется доступностью тех возможностей и функций, которые предлагаются разнообразными устройствами» [Verbeek, 2005, 188]. Вещь оказывается подменена функцией, которая, является избыточной и не присутствует как нечто, расположенное здесь и сейчас. Отношения вещей в этом случае – это естественное отношение конкуренции, в котором критично не то, что именно выполняет функцию, а то, как оно это делает. Таким образом технологии превращают текст в подобие кластера. Уравнивание людей в этом контексте – это не усреднение субъектов, но констатация равных возможностей по функционированию. Равенство само по себе – это равенство перспектив, планов и планируемого будущего, но никак не настоящего, как и знаменитое варенье в тексте Льюиса Кэрролла («Варенье на завтра, но не на сегодня»), равенство существует только в языке и проявляет себя только в процессе коммуникации. «Становясь все более и более доступной, технология позволяет людям осознавать свои желания, смещая акцент с того, как эти желания могут быть реализованы» [Verbeek, 2005, 181].

Проблема равенства и проблема реальности оказываются слиты воедино. Равенство в современном обществе основывается на технологиях, а технологии смещают жизнь людей в сферу виртуального. Виртуальность подменяет собой реальное, результатом чего оказываются многочисленные социокультурные изменения. Как пишет С. Жижек: «И дело не в том, что Голливуд создает некое подобие реальной жизни, лишенной веса и материальной инерции; в позднекапиталистическом потребительском обществе «реальная социальная жизнь» сама так или иначе приобретает черты инсценированной подделки, в которой соседи из нашей «реальной» жизни ведут себя, подобно актерам и статистам... окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой «реальной жизни», в превращении ее в призрачное шоу» [Жижек, 2002, 22].

Начало формирования кластерных структур текста связано с технологиями интернета. Они сделали процесс коммуникации (выражение и формирование желаний в первую очередь) настолько простым и ясным, что практически уничтожили опосредование между информацией и субъектом - то опосредование, которое только и позволяло фиксировать текст как нечто объективное. На протяжении большей части истории европейской культуры знание было трудно добываемым. В устной культуре знание маркируется как нечто сакральное, потаенное. Книгопечатание сделало процесс обучения намного более простым, но сохранило разрыв между человеком и знанием – за книгами, как минимум, надо было зайти в библиотеку или в магазин. Оно породило феномен чтения, которое в корне изменило современную культуру: «Итак, чтение не должно ограничиваться удвоением текста, однако оно не имеет право выходить и за его рамки, обращаясь к чему-то другому – к внешнему объекту... или к внетекстовому означаемому, содержание которого возникло бы вне языка, то есть в нашем смысле слова, вне письма как такового... Внетекстовой реальности не существует» [Деррида, 2001, 313]. Современные технологии позволяют получить практически любые данные почти мгновенно, достаточно просто взять в руки смартфон. На уровне официального нарратива доступны только публичные, не слишком важные вещи, но постоянные скандалы и расследования по поводу утечек данных показывают, что, на самом деле, открытым является намного более широкий пласт данных.

Проблема истинности в кластерных текстах

Современному человеку подчас не требуется практически ничего знать. Намного более важным оказывается умение искать и находить информацию. Успешность поиска зависит от способности субъекта фильтровать и выбирать наиболее адекватные источники информации. Современная информационная сеть настолько «зашумлена», что просто придумать «ключевое слово» чаще всего мало, нужно четко понимать, где мы встретим содержательный текст, а где – бессмысленных набор букв. Развитие интернет технологий приводит постоянной необходимости заниматься рефлексией и задавать вопрос о том: «Откуда я это знаю?», «Могу ли я доверять данному источнику?». Востребованными оказываются классические научные методы проверки истинности. Так, истинной часто считается та точка зрения, которая чаще всего встречается на просторах глобальной сети, процедура утверждения истинности привязывается к повторению данного факта. Не менее часто в «интернет-расследованиях» встречается такой критерий истинности, как непротиворечивость суждения. С помощью этого критерия проверяются разнообразные тексты из категории «новости». Информационные технологии буквально подталкивают пользователя к вопросу об источнике своего знания. Таким образом в информационном тексте проявляется второй критерий кластерных структур, а именно, полная согласованность внутренних элементов, разворачивающаяся при это без заранее продуманного плана.

Тотальная доступность данных распространяется в том числе и на вещи, которые нас окружают. В качестве примера можно привести концепцию Интернета вещей (ИОТ), которая выстраивается на модели доступности многих окружающих нас вещей – от холодильников, чайников и утюгов, до электрических розеток и дверных замков через информационную сеть. Управление подобными вещами напоминает телепортацию, я могу включить чайник или сварить кофе, не подходя к конкретным предметам. Подмена присутствующей вещи ее функцией доведена здесь до предела. Возникает визуальный парадокс: «вот и перспектива по-своему провоцирует появление парадокса. Или, точнее, она имитирует парадокс, разворачивая

установленную ею связь между видимым и невидимым. И в том и в другом случае взгляд доходит до видения того, что не мог быть в состоянии увидеть, но по-разному: парадокс предлагает антивидимое, тогда как перспектива наводит на мысль о прорыве взгляда. Парадокс утверждает видимое, которое оспаривает видимое, перспектива – взгляд, который проникает через видимое» [Марьон, 2010,13]. Вещь (как нечто, занимающее определенное место в пространстве и времени) оказывается лишней и избыточной. Если еще 20-30 лет назад мы говорили о том, что гаджеты – это вещи с избыточной функциональностью, то сейчас мы можем констатировать, что во многих ситуациях избыточной становится вещь, достаточной же оказывается чистая функция. Эти вещи созданы таким образом, что они сами объединяются в кластеры, формирующие текст повседневности нашей жизни.

Важно отметить, что разница между вещью-образом и ее функцией заключается в том, то вещь требует некоего пространственного присутствия здесь и сейчас, а функция довольствуется чистой вероятностью, простой логической возможностью. Благодаря этому парадоксу как техническому приему, значением оказывается сам смысл произведения искусства, «... когда мы допускаем, что нонсенс высказывает свой собственный смысл, мы хотим указать на то специфическое отношение, которое существует между смыслом и нонсенсом, и которое не совпадает с отношением между истиной и ложью, то есть его не следует понимать просто как отношение взаимоисключения» [Беньямин, 1996,99]. Противоположность вещи и функции, реального и виртуального, лежит в том же измерении, что и противоположность знания (факта) и данных.

Факт есть нечто, что можно знать. Знание рождается как результат некоторого сознательного усилия по сопоставлению, объединению, анализу или противопоставлению фактов. В противоположность этому данные, которые поставляет пользователю поиск, чаще всего не являются знанием в строгом смысле этого слова, так как они не могут быть сопоставлены ни с чем вокруг. Здесь важно понимать, что смысл принципиально отличен от самого знания. Вот что пишет французский философ Жиль Делез: «Смысл – это и выражаемое, то есть выраженное предложение, и атрибут положения вещей. Он развернут с одной стороны, к вещам, а с другой – к предложению. Но он не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством, которое данное предложение обозначает». [Делез, 1998,42] Знания предполагают понимание, но поисковая система чаще всего выдает сведения, которые не требуют понимания – или потому, что уже были осмыслены, или же потому, что пониманию не подлежат. Субъект получает данные так быстро, что времени на понимание уже не остается. Искать проще чем анализировать, найти проще, чем понять. Кластерные тексты, таким образом, трансформируют саму идею истинности. Эта трансформация видна во многих современных медиатекстах, но понятие кластера позволяет понять ее причину.

Заключение

В данной статье мы выделили базовые признаки кластерной модели. Это децентрализация, подбор компонентов по функциональному признаку, отсутствие линейности в организации. Также мы показали, что многие современные тексты полностью соответствуют этой структуре и, следовательно, по форме эквиваленты кластерам. Важным следствием этой трансформации является изменение модели подтверждения культурных текстов. В современной культуре классические модели верификации работают все хуже и хуже, на их место встает репутационный признак, который является важной частью кластерной структуры.

Библиография

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. С. 15-66.
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 480 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2001. 64 с.
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры, 2002. 244 с.
5. Жижек С. Киногид извращенца. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 472 с.
6. Марьон Ж.-Л. Перекрестья видимого. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 176 с.
7. Соколов Е.Г. Тотальная художественная сегментация реальности и/или монтировка антропологической целостности // *Studia Culturae*. 2016. Вып. 4 (26). С. 208-228
8. Усманова А.Р. Эко У. Парадоксы интерпретации. М., 2008. 198 с.
9. Porter M. Competitive Advantage of Nations // *Comp. Int. Rev.* 1990. 1. P. 14-20.
10. Verbeek P. What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design. N.Y.: Penn State University Press, 2005. 356 p.

Formation of cluster structure of texts

Nikita O. Nogovitsyn

PhD in Philosophy,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: nikita.nogovitsyn@gmail.com

Abstract

The changes in the schemes of production and algorithms of communication most of which are often associated with the post-industrial society, in general, affect both spheres of culture, and, in particular, arts. In the middle of the XX century many aspects of culture could exist and develop independently. Now to optimally do it cultural actors unite in clusters. This transpires in creating both conceptual and situational unifications in the sphere of art culture, and in the business and political processes on which the clusters are based. The key distinction of cluster formations lies in the fact that by definition cluster formations develop decentrally, which leads to a series of difficulties in their defining and analysing. The advantage of a cluster consists in the total effect of interactions of all elements whose joint efforts yield the result surpassing each individual effect. The distinctive feature of an art cluster can be thought the existence of mobile and transformed elements making it possible to organize exhibition areas for various events and activities. The physical structure of these spaces is characterized by multi-element filling, and also by its coherence with season, an event subject, etc. The focus of this paper is the cluster structure formation features under conditions of modern Russia mediaculture.

For citation

Nogovitsyn N.O. (2018) Formirovanie klasternoï struktury tekstov [Formation of cluster structure of texts]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 157-163.

Keywords

Language philosophy, structuralism, cultural clusters, media texts, philosophy of media.

References

1. Benjamin V. (1996) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti* [Art in the era of its technical reproducibility]. Moscow: Medium Publ.
2. Deleuze J. (1998) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Moscow: Raritet Publ.
3. Derrida J. (2001) *O grammatologii* [On grammatology]. Moscow.
4. Marion J.-L. (2010) *Perekrest'ya vidimogo* [Crossroads of the visible]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
5. Porter M. (1990) Competitive Advantage of Nations. *Comp. Int. Rev.* 1990, 1, pp. 14-20.
6. Sokolov E.G. (2016) Total'naya khudozhestvennaya segmentatsiya real'nosti i/ili montirovka antropologicheskoi tselostnosti [Total artistic segmentation of reality and / or mount anthropological integrity]. *Studia Sulturae*, 4 (26), pp. 208-228
7. Usmanova A.R. (2008) *Eko U. Paradoksy interpretatsii* [Umberto Eco. Paradoxes of interpretation]. Moscow.
8. Verbeek P. (2005) *What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design*. N.Y.: Penn State University Press.
9. Žižek S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of the Real]. Moscow: Pragmatika kul'tury Publ.
10. Žižek S. (2014) *Kinogid izvrashchentsa* [The pervert's film guide]. Ekaterinburg: Gonzo Publ.